

привилегиях, а затем уже тиражировались по всему Христианскому миру. Благодаря фиксации обычаев, свобод и привилегий, комментируемых юристами, следы существования представительных институтов и саморегулирующихся сообществ на Западе, как правило, не приходится разыскивать с лупой.

Консультации властей с определёнными кругами элиты имели место, разумеется, не только на Западе. Иван Пересветов, прославляя деяния Мегмет-салтана, напоминал, что тот «помыслил с сеиты и с молнами и пашами и обызами» (т. 2, с. 95). Сколь бы ни были грозны и сильны правители империи Чингисхана, ограничить роль курултая они не могли, да и не пытались. «Сотрясатель вселенной» Тимур проводил совещания со своими войсками. И всё же правители неевропейских регионов всегда имели иные способы диалога с подданными, резюмированными в картине Верещагина «Апофеоз войны». Соблазн использовать эти методы был слишком велик.

Если же говорить о русском представительстве, то оно по-своему уникально. Не обладая тем «строительным материалом»³⁸, на котором базировались западные представительные институты, возникнув в других условиях и с иными задачами, оно оставило после себя на порядок меньше источников, но функционировало весьма успешно. Не знаю, где ещё за пределами Латинского Запада представительство достигало таких масштабов. Поэтому отмахнуться от полуторавековой традиции государственного опыта было бы по меньшей мере странно. Осознав различия с аналогичными западными институтами, можно заняться поисками сходства и сравнительным анализом³⁹.

Л.В. Черепнин пришёл работать в единый Институт истории, отметивший, кстати, в 2016 г. своё 80-летие. С 1968 г. российская и всеобщая история изучаются в отдельных институтах, порознь же они и отметили юбилей. Я не хочу, чтобы наши институты объединялись. И никто не хочет, кроме, может быть, ФАНО. Но взаимных контактов и совместной работы, о которой, как некогда Лев Владимирович, кто-нибудь сказал бы: «Берём ответственность на себя!», нам всё-таки очень не хватает.

Сергей Мироненко: Воспоминания уникальны и неповторимы
Sergey Mironenko (Lomonosov Moscow State University, Russia):
Memories are unique and unrepeatabe

Появление в печати воспоминаний академика Льва Владимировича Черепнина, выдающегося историка русского Средневековья, несомненно, примечательное явление в нашей отечественной историографии. До последнего времени широкой исторической общественности ничего не было известно о том, что Л.В. Черепнин оставил воспоминания. Опубликовавший их В.Д. Назаров, один из учеников Льва Владимировича, установивший, что рукопись была

³⁸ Впрочем, источники заимствования могли быть и общие с Западом, где с середины XIV в. в церковных спорах все громче заявлял о себе консильяризм, исходящий из приоритета Собора над Папой. В православии же роль церковного (освященного) Собора всегда была чрезвычайно высока. И в том, и в другом случае это отражалось на деятельности представительных институтов.

³⁹ Сейчас, когда все историки знают хотя бы английский язык, стоит ли им черпать сведения из «вторых рук» отечественных медиевистов? Сомнение справедливое. Но всё же российские «всеобщники», изучающие чужую историю на расстоянии, обладают хотя бы одним преимуществом. У нас возможен более обобщённый взгляд, позволяющий отслеживать процессы на большей хронологической и пространственной протяжённости, чем это принято у западных коллег.

написана в 1969–1971 гг., не сумел найти указаний на то, почему автор не завершил свой труд. Насколько можно судить, Черепнин не делился с коллегами планами написания мемуаров. В опубликованных дневниках, воспоминаниях и переписке его современников нет упоминаний этой работы, что довольно странно, ведь, скажем, А.А. Зимин давал читать свои мемуары ближайшим коллегам или сам читал отрывки из них. Ждут опубликования и воспоминания профессора Петра Андреевича Зайончковского, закрывшего к ним доступ на 50 лет при передаче своего архива в отдел письменных источников ГИМ. Но об их существовании хорошо знают его ученики. Готовятся к публикации дневники профессора истфака МГУ Сергея Сергеевича Дмитриева (правда, из-за огромного объёма пока в электронном виде). Но до полной публикации они появились в отрывках в журнале «Отечественная история». Кто знает, может быть в архивах и у наследников ещё хранятся другие неизвестные нам дневники или воспоминания историков.

А сколько воспоминаний осталось ненаписанными! Работая в Институте истории СССР АН СССР и часто бывая у академика Милицы Васильевны Нечкиной дома, я не раз слышал её рассказы о М.Н. Покровском, о первом съезде учёных СССР, о легендарном РАНИОН, о перипетиях с изданием И.С. Зильберштейном томов «Литературного наследства» с перепиской Маяковского и Лили Брик и о многом другом. Только десятилетия спустя, когда мы с ученицей М.В. Нечкиной Е.Л. Рудницкой работали над публикацией неизданных работ, выступлений, писем учёного, подбирая в её архиве фотографии для книги, я понял, что эти рассказы были своеобразной подготовкой к написанию воспоминаний: в последние годы жизни Милица Васильевна разбирала свой фотоархив, датировала каждое фото, делала крупными буквами (она уже плохо видела) подписи к ним.

Воспоминания Л.В. Черепнина уникальны и неповторимы не только потому, что любой человек неповторим и уникален, но прежде всего поскольку они содержат бесценные сведения для истории отечественной исторической науки. Что такое Российская ассоциация научных институтов по общественным наукам (РАНИОН)? Как она была организована? Как протекала в её стенах научная работа? Все эти вопросы, долгие годы остававшиеся, несмотря на появлявшиеся в печати исследования, *terra incognita*, ярко и подробно описаны на страницах воспоминаний Л.В. Черепнина. РАНИОН была организацией, объединявшей учёных «старой школы» с учёными-марксистами. Главной задачей, поставленной перед первыми, было овладение так называемой марксистской методологией, иными словами, сперва концепциями Покровского, а затем сталинскими догмами, на долгие годы определившими лицо советской исторической науки. Как хотелось молодому Льву Владимировичу овладеть марксистским методом познания прошлого, но как трудно это ему давалось! Ему пришлось пройти через тюремные камеры и годы ссылки, как говорили тогда, в «места не столь отдалённые». Он до дня запомнил те годы, что были вычеркнуты из его научной жизни. Воспоминания Черепнина рисуют тюремный быт, тяжёлые условия этапа и существования ссыльнопоселенца в далёкой северной Курье, возвращение к нормальной жизни.

В воспоминаниях много характеристик учёных. О коллегах Черепнин пишет по-доброму, о многих – с уважением, хотя встречаются и довольно резкие отзывы. Он рассказывает и удивительные истории, подобно той, что случилась с архивом Троице-Сергиевой лавры, отправленным в рукописный отдел

Ленинской библиотеки, но затерявшимся и счастливо найденным на запасных железнодорожных путях. Детство, учёба в средней школе и Московском университете, юношеские годы. Всё рассказано очень трогательно и, кажется, с полной откровенностью. Даже то, что он учился танцам (тем, кто встречался в лифте или коридоре Института истории СССР с Черепниным, обладавшим в последние годы жизни грузной фигурой, в это трудно поверить).

Мемуары Л.В. Черепнина обрываются на полуслове. Жаль, что он не довёл их до конца. Но и в этом, как мне кажется, видна личность незаурядного человека. Лев Владимирович не считал возможным писать о событиях недавнего прошлого, давать характеристики людям, чей жизненный путь ещё не был закончен.

Нельзя не сказать о том, что публикация воспоминаний сделана в лучших традициях академического издания источников. Текст снабжён предисловием В.Д. Назарова, им же написано введение к комментариям, а также завершающий издание биографический очерк жизни и творчества Л.В. Черепнина, в яркой форме отражающий его основные черты как человека и учёного. Издание снабжено многими вспомогательными указателями, в том числе подробнейшим именованным, о котором следует сказать особо. Подобный указатель имён не часто встретишь в наших изданиях — подчас составителям приходилось проводить тщательные архивные разыскания, чтобы установить либо отдельную дату, либо факт биографии упомянутого в воспоминаниях человека.

Нина Сеницына: Я вспоминаю...

Nina Sinitsyna (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow): I remember...

Я вспоминаю сентябрь 1954 г., когда на первом курсе истфака МГУ услышала лекцию Льва Владимировича. Он читал курс истории России. Я счастлива, что тогда оказалась в группе, в которой он вёл просеминарские занятия; помнится, мы читали «Русскую правду». Так была predeterminedена моя судьба историка: все мои дальнейшие занятия проходили под руководством Льва Владимировича, его влияние ощущалось постоянно.

Я вспоминаю и второе predeterminedение, когда в 1957 г. (я училась на четвёртом курсе) Лев Владимирович начал вести спецкурс по истории русской общественной мысли конца XV — начала XVII в. Я выбрала его, и это стало темой моей кандидатской, а затем докторской диссертации. Третье predeterminedение случилось позже, уже в Институте истории, и его произнёс уже сам Лев Владимирович. Тема спецкурса («Русская публицистика XVI в.») находилась не в русле его основных научных интересов, он тогда размышлял над проблемами социальной и политической истории. Но, будучи руководителем большого коллектива сектора истории СССР периода феодализма, он взялся за труд ответственного редактора книги Александра Ильича Клибанова «Реформационные движения в России в XIV — первой половине XVI в.», которая вышла в 1960 г. Лев Владимирович не мог стать обычным «титовым» редактором. Он считал своим долгом вникнуть глубоко в суть проблемы, самостоятельно изучить источники, овладеть в полном объёме материалом редактируемой книги. Из опубликованных воспоминаний я, впрочем, узнала, что курс «Русская публицистика XVI в.» Лев Владимирович читал и ранее. Я вспоминаю, забегая вперед, что в 1976 г., незадолго до кончины, Лев Владимирович